

БЕСКОНТАКТНЫЕ

Алла БОССАРТ,
обозреватель «Новой газеты»

Кончаловского и его увенчанный в Венеции «Дом дураков» ругают и будут ругать много и вдохновенно. И есть за что. Все, сказанное критиками, правда. Сумасшедший дом как метафора свихнувшейся страны — действительно образ рискованный.

Я знаю лишь двух мастеров в пределах нашей географии, которые могли бы вытащить кино, заряженное столь ненадежным порохом. И вы их знаете. Это, конечно, Герман с его потрясающей способностью проникновения в природу тайного, сокровенного, подсознательного и обычным языком невыразимого. И это, конечно, Муратова, чье кривое клоунское зеркало как бы спрямляет кривизну ее фирменного сумасшедшего карнавала, помещая его в обыденную плоскость.

Андрон Кончаловский — персонаж совсем иной породы. Он везде — именно такой «специальный гость», каким обозначил в титрах Брайана Адамса (дорогой и в целом декоративной игрушки).

Ну вот пример для наглядности. Мог бы сделать Б.Н. Ельцину операцию на сердце Ренат Акчурин самолично? Конечно, мог. Нашим хирургам равных нет ни в Америке и нигде в мире. Однако приглашаем для поддержки заокеанского маэстро. Зачем? Ну, во-первых, сказано: для поддержки. А во-вторых, и это главное, для иной точки обзора. Каким бы классным врачом ни был отец (или сын), он постарается сам не оперировать сына (или отца). Близость мешает. Одно дело оперировать своего президента. Другое — чужого.

Кончаловский провел очень опасную операцию на самом средостении России. Боли

и крови столько, что своему легкому захлебнуться, как захлебнулся ненавистью и злобой русский народный метатель Балабанов. Я не знаю, что чувствовал

Кончаловский, погружая свой стерильные инструменты в больной орган на границе Чечни и России. Но его хирургические очки (какие надевают врачи в сериале «Скорая помощь») ни кровью, ни гноем, ни грязью не забрызгало. И вот тут приходится ставить специализированный русский, а вернее, советский вопрос: с кем вы, мастера культуры? И когда оказывается, что ни с кем, — мастер культуры обрекает от критики по полной программе: за толерантность, за интеллектуальность, за мастерство и за культуру, которым не место в психушке среди войны.

Что поделат, Кончаловский — пришлый доктор. Нет у него ни страшного, в душу глядящего глаза Германа, ни балаганного стереоскопа Муратовой со смещенным фокусом, ни оптического прицела Балабанова. У него холодная «гостевая» линза из набора Снежной Королевы: осколок зеркала троллей — то ли в глазу, то ли в сердце. Но это тоже оптика. И если она органична для режиссера, почему мы считаем ее негодной?

То, что называют «глуповатостью» искусства, есть та степень поэтического осмысления, когда художник уравнивает временные и пространственные масштабы: «маленькая психиатрическая больница», человек со своей ничтожной судьбой, страна, мир, космос уместаются в объективе камеры или на кончике пера (клавиши). И день длится дольше века, и история человечества сжимается до выстрела. Или взры-

ЛИНЗЫ АНДРОНА КОНЧАЛОВСКОГО

Между прочим, осколок зеркала троллей — тоже оптика

«Дом дураков»

ва. Андрон Кончаловский потому и сумел стать гротескмейстером международного класса, что для него не являются проблемой ни масштаб, ни сакральность события, ни эпоха, ни национальные, ни расовые тонкости. «Романс о влюбленных» в его исполнении больше эпос, чем «Одиссея». Ася-хромомоножка эпичнее Сталина.

А древний грек ты, афроамериканец, киргиз, русский, чеченец или еврей — мерило для тебя одно: кастинг Кончаловский мог бы поставить Библию, причем Ветхий Завет, и не встал бы в тупик ни на одном

из этапов, включая выбор исполнителя Главной Роли.

Он — холодный художник. Не в том смысле, что «холодный сапожник» — кустарь, и не в том, что расчетливый циник. Это холодность гостя и чужого, приглашенного врача, которому легко «озвучить» неизлечимый диагноз. В фильме есть одна маленькая, но важная роль, которую играет Анатолий Адошкин. Это больной, маниакально отказывающийся от пищи и твердящий слова мусульманской молитвы. Жанна пытается накормить его яблоком, и он вдруг спрашивает ее по-русски: «Что ты ви-

дишь?» «Яблоко», — отвечает бедная дурочка. «А я вижу народы, — говорит седой изможденный старик с окровавленным ухом. — Они любят и воюют и глядят в небо в надежде увидеть мое лицо. Как же я могу их съесть?» Меня не покидало ощущение, что Андрон Кончаловский в глубине души позиционирует себя примерно так же. Но Богом быть трудно, сейчас это известно многим.

Известно это, несомненно, и Кончаловскому, поскольку он, несомненно, очень умен. Умен и, добавлю, профессионален настолько, что мог бы прекрасно полетать

той полу-Кабирии, полу-Джельсомины, жены и ангела, однозначный привет кумиру...

Не думаю, что мы поступаем правильно, по привычке оценивая «Дом дураков» как «социальный заказ» о чеченской войне и безумной стране. В этом случае ему, конечно, очень легко пришить и конъюнктуру, и все, что угодно (снесенный со стены взрывной волной портрет Ельцина — а не Путина! — ленивый не заметит). Думаю, что совсем не тот человек Андрон Кончаловский, чтобы играть с властью в какие-то нелепые поддавки.

Думаю, что этот образ «дома дураков», охраняемый святой дурочкой с аккордеоном, он сочинил не для воюющих друг с другом солдат, и не для Путина, и не для нас с вами, и даже не совсем для Венеции. Хотя для Венеции — более всего. Я говорю о городе, не о фестивале. О городе стоячей воды и ускользающих масок.

Художник с ровным пульсом и холодным сердцем разыграл мистерию, страшный карнавал, шитый грубыми крашеными нитками. Разыграл его в память о другом художнике, великом Феллини, к которому прямо отсылает музыка Эдуарда Артемьева в заключительных титрах. Заходясь в гибельные выси, откуда Земля — с яблоко, решил один художник помериться с другим силой: силой образа и силой любви. Но сумасшедший мир, построенный Феллини, стоял и стоит прочно, согретый солнечной медью его труб.

Мир Кончаловского — злобный и холодный. И когда обитатели сумасшедшего дома прячут у себя чеченского боевика — ничуть не теплеет на сердце от их доброты и участия. Лишь еще безотраднее становится пейзаж. Потому что похож на них этот запуганный лысый дядька в сизом халате, как родной.

Венецианцы стараются не думать о том, что их город уходит под воду. Но гости говорят об этом много и охотно. В традициях русской медицины — скрывать смертельный диагноз. Кончаловский давно уже — носитель другой традиции.

На карнавале в Венеции из века в век бьют неизменная маска: черная треуголка, черный клюв, черный плащ. Известна в народе как маска Смерти. Столкнуться с ней на карнавале — плохая примета.

Кончаловский — Андрей
18.09.02

он